

Когда Сюй Цин обернулся, его взгляд метнулся по пространству позади.

В паре десятков метров от себя он увидел семерых человек, разбросанных по округе и звездой сходящихся к нему.

Все семеро были взрослыми, мужчины и женщины, одетые в основном в темно-серые дублёнки и с множеством кожаных мешков.

У каждого при себе было оружие, и они держались по отдельности.

Трое из них были вооружены луками, двое — ножами, и никто не подставлял спину другому, словно опасаясь чего-то.

Ещё один человек, шедший в одиночестве прямо по центру, был в перчатках.

Что касается говорившего с издёвкой, то это был высокий плотный мужчина.

Этот человек, несущий огромный боевой топор, находился ближе всех к Сюй Цину.

Его тело было невероятно мощным, лицо — изуродовано отвратительным шрамом и заросло бородой, а в глазах читалась жестокость, когда он, ухмыляясь, шагал навстречу Сюй Цину.

Всё это Сюй Цин увидел одним взглядом.

Его зрачки сузились, мозг мгновенно проанализировал, что эти люди не были единой группой, скорее, они объединились совсем недавно.

Это было ясно видно по их позициям и взаимной осторожности.

Сюй Цин уже догадался, кто они такие... Это были... мародёры! На континенте Южного Феникса не было недостатка в мародёрах, большинство из них были жестокими и беспринципными, живущими по закону джунглей.

Очевидно, на этот раз кровавый дождь в Запретной зоне прекратился, барьер открылся, и собиратели отбросов со всех окрестностей слетелись сюда, словно мухи.

Для них Запретная зона, хоть и опасна, но они привыкли жить на острие ножа, и ресурсы, хранящиеся в пустом городе, заставляли их глаза наливаться кровью.

Даже если большая часть припасов была заражена, среди них всё ещё можно было найти ценные вещи.

Пока мысли лихорадочно пронеслись в его голове, Сюй Цин рванул с места, пытаясь скрыться.

Но здоровяк, направлявшийся к нему, заметил, что Сюй Цин собирается бежать. Жестокость в его глазах вспыхнула ещё ярче, в улыбке проступила кровожадность.

— Хочешь убежать? Обожаю убивать таких щенков, как ты. У тебя, наверное, в мешке немало добра. Командир Лэй, этот парень мой.

Жестокость в глазах громалы, казалось, могла вырваться наружу, образуя устрашающую ауру. В сочетании с его рослым телосложением и боевым топором это производило ужасающее впечатление.

Он бросился вперёд, заноса боевой топор правой рукой и целясь в ту сторону, куда собирался прыгнуть Сюй Цин.

Топор со свистом рассёк воздух, преодолевая разделяющее их расстояние и мгновенно приближаясь.

Силы у здоровяка было хоть отбавляй, да и медлительным его назвать было нельзя, но Сюй Цин оказался проворнее. В тот самый миг, когда топор был уже совсем рядом, он резко ускорился, уклоняясь в сторону.

Топор просвистел у него перед носом.

Поднявшийся ветер ударил Сюй Цина в лицо, взметнув его растрёпанные волосы и обнажив под ними холодные, как у волка, глаза.

В следующий момент Сюй Цин перекатился по земле, не пытаясь сбежать, а, наоборот, приближаясь к громале. Он поднял правую руку, и в ней тут же появился чёрный железный прут.

Используя преимущество в виде невысокого роста, Сюй Цин прыгнул вверх, целясь в подбородок противника!

Всё произошло настолько быстро, что хрупкое телосложение Сюй Цина и его предыдущая попытка к бегству создали обманчивое впечатление. Даже громала в этот момент почувствовал угрозу для своей жизни.

Но он был всё-таки бывалым бойцом. Резко запрокинув голову, он чудом уклонился от удара, но прут всё же оставил на его подбородке кровавую царапину.

Но не успел гнев вспыхнуть в его душе, как Сюй Цин, с холодным выражением лица, вытащил кинжал из-за голени.

Пока верхняя часть тела громилы была откинута назад, он наклонился и с силой вонзил кинжал ему в правую ступню.

Раздался глухой звук — кинжал пробил сандалию и плоть, войдя в землю! Лицо громилы искажилось от боли, по всему телу прокатилась волна мучительной боли, и он закричал, пытаясь дать отпор. Но Сюй Цин был слишком проворным: он отпрыгнул к обломкам стены и присел, приготовившись к атаке.

Мерцающее пламя костра плясало на его лице, делая его черты неразличимыми, но волчий блеск в его глазах не мог скрыть огонь: в них читались настороженность и свирепость, с которыми он смотрел на бродяг.

Всё произошло так быстро, что люди, обманутые возрастом и телосложением Сюй Цина, не успели среагировать.

Теперь же их глаза наполнились яростью, а взгляды троих лучников стали пронзительными.

Прячась за обломками стены, Сюй Цин даже не взглянул на корчащегося от боли громилу, вытаскивающего кинжал из ноги. Он осмотрел троих лучников, затем перевёл взгляд на стоящего посередине человека в перчатках.

Это был старик. Одет он был так же, как и остальные, но взгляд его был самым пронизательным. Кроме того, Сюй Цин почувствовал в нём слабые волны духовной энергии.

Судя по тому, где он стоит, и по тому, как на него инстинктивно смотрят остальные, Сюй Цин почти не сомневался в своей догадке.

Этот человек, по-видимому, был временным главарём у этих мародёров.

Сюй Цин смотрел на старика, прокручивая в голове разные варианты, а старик смотрел на него в ответ. В его глазах читалось что-то странное.

Вскоре старик отвёл взгляд и, помолчав, уставился на разгорающееся пламя погребального костра.

В этот момент громила, вытащивший кинжал, с бешеной яростью в глазах и зловещим рёвом бросился к Сюй Цину.

— Ну я тебе сейчас покажу, щенок!

Сюй Цин прищурился, и в его глазах мелькнула ярость. Он уже собрался было действовать, но тут раздался спокойный стариковский голос: — Довольно!

Это слово, казалось, обладало некой магической силой, заставившей разъярённого громилу остановиться и посмотреть на говорившего.

Говорил тот самый старик в перчатках, на которого Сюй Цин смотрел раньше.

— Лэй...

— Этот мальчишка, скорее всего, выживший из трущоб. Сам Бог его пощадил, так что не трогай его. Уходим.

— Но... — в глазах громилы читалось недовольство. Он был уверен, что просто зазевался, и если бы он действовал всерьёз, то сломал бы Сюй Цину шею за несколько секунд.

Он уже хотел было возразить, но старик бросил на него холодный взгляд.

— Тебе повторить?

Громила замаялся, но всё же опустил голову.

Опуская голову, он краем глаза посмотрел на спрятавшегося за обломками стены Сюй Цина, и на его лице мелькнула жажда убийства. Затем, с хмурым видом, он похромал к старику.

Сюй Цин почувствовал эту жажду убийства и, прищурившись, с настороженностью проводил взглядом удаляющихся мародёров.

Но когда они отошли на несколько десятков метров, старик остановился и обернулся. Непонятно, смотрел ли он на Сюй Цина или на разгорающееся пламя погребального костра. Помолчав некоторое время, он неожиданно сказал: — Парень, хочешь уйти отсюда со мной?

Сюй Цин опешил. Он заметил, что старик сказал "со мной", а не "с нами".

Он промолчал и осмотрел всю группу. Старик же не торопил его с ответом и терпеливо ждал.

Так прошло больше десяти вдохов. Сюй Цин несколько раз окинул взглядом этих людей, посмотрел на старика, затем на раненого им громилу с мрачным лицом.

В глазах юноши мелькнул странный огонёк.

Он медленно поднялся и, не говоря ни слова, направился к ним.

Увидев приближающегося Сюй Цина, старик улыбнулся и продолжил путь. Остальные тоже внимательно посмотрели на Сюй Цина и пошли дальше.

Сюй Цин последовал за группой, наблюдая, как они ищут ценные вещи в городе.

За это время он узнал имя устрашающего здоровяка — Цань Ню.

Этот человек несколько раз окидывал Сюй Цина холодным взглядом.

Но он явно сдерживался, словно не торопился и ждал момента, когда мешающий ему действовать старик будет отсутствовать.

Казалось, он был уверен, что такая возможность обязательно представится в будущем.

Сюй Цин, зная о жадности здоровяка, решил помочь группе, используя своё знание города.

Он держался скромно, что позволило мародёрам быстрее находить ценные предметы и в большем количестве.

Цань Ню явно был жаден и хотел забрать больше, чем мог унести, даже когда уже не мог вместить всё.

Поэтому он, уже раненый, обыскивал большую территорию, чем остальные, и нёс более тяжёлую ношу.

Сначала это было незаметно, но со временем здоровяк явно истощил свои силы, и усталость одолевала его гораздо сильнее, чем остальных.

Что касается района резиденции правителя города, Сюй Цин решил не вести их туда, полагая, что старик, которого называли командиром Лэем, может быть ему полезен.

К наступлению ночи группа наконец покинула город и разбила лагерь в бывших тущобах.

Они умело поставили шесть палаток.

Кроме двух мечников, делящих одну палатку, остальные разместились по одному. Снаружи палаток зажгли благовония, а кто-то рассыпал какой-то порошок по периметру.

С наступлением темноты, когда в городе начали раздаваться крики, мародёры укрылись в палатках.

Только командир Лэй окинул взглядом одинокого Сюй Цина, достал спальный мешок и бросил ему.

- Благовония отпугивают чудовищ, а порошок защищает от призраков. За твою сегодняшнюю помощь, пока я здесь, Цань Нью не посмеет тронуть тебя. Тут довольно безопасно.

Сказав это, старик больше не обращал на него внимания и зашёл в свою палатку.

Сюй Цин промолчал, лишь внимательно посмотрев на палатку старика, поднял спальный мешок, расстелил его и забрался внутрь.

Но он не застегнул его полностью, оставив щель в сторону палаток мародёров.

Глубокой ночью вопли и жуткие звуки снаружи усилились, призрачный плач эхом разносился вокруг, создавая атмосферу ужаса, казалось, заполнившую всё пространство.

Похоже, никто не хотел покидать своё убежище в такой момент.

Кроме Сюй Цина...

Он лежал с открытыми глазами в спальном мешке, не двигаясь, молча ожидая.

Когда прошло некоторое время и наступил самый глубокий сон, Сюй Цин медленно выбрался из спального мешка.

Он двигался очень осторожно, стараясь не издать ни звука.

Крики и вопли из города эхом отдавались в его ушах, но не отвлекали его ни на мгновение.

Осторожно выбравшись, Сюй Цин тихо направился к палатке здоровяка Цань Нью.

Он не мог допустить, чтобы рядом оставалась угроза его жизни, даже потенциальная — он должен был немедленно устранить её.

Это был закон выживания, который Сюй Цин усвоил ценой горького опыта в Трущобах. Именно поэтому он согласился присоединиться к группе.

Даже днём, помогая остальным находить больше ценностей, он делал это, чтобы утомить жадного Цань Ню, заставив его потерять бдительность из-за усталости и ран.

Его намеренно скромное поведение также было уловкой, чтобы усыпить бдительность противника.

Всё это было подготовкой к нынешнему моменту. Сейчас Сюй Цин с невозмутимым видом тихо подкрался к палатке и, не спеша действовать, сначала присел и внимательно прислушался.

Доносившийся изнутри храп был ровным и постоянным, не похожим на притворство. Убедившись в этом, Сюй Цин прищурился, медленно вытащил свой железный прут, аккуратно разрезал застёжку палатки и осторожно проскользнул внутрь.

В темноте палатки Сюй Цин смутно различил лежащего Цань Ню, который крепко спал, очевидно, измотанный дневными нагрузками и ранами.

К тому же самоуверенность сильного не позволяла Цань Ню даже представить, что юноша, который днём так услужливо помогал, осмелится прийти ночью, когда рядом другие мародёры.

Поэтому сейчас он и не подозревал о незваном госте в своей палатке.

Сюй Цин смотрел на спящего Цань Ню холодным, спокойным, как глубокое море, взглядом. Он тихо приблизился и, оказавшись рядом, без колебаний выхватил нож. Сверкнуло лезвие, и он резко полоснул по горлу ничего не подозревающего Цань Ню.

Удар был такой силы, что чуть не отделил голову от тела.

Кровь хлынула потоком.

От резкой боли Цань Ню широко раскрыл глаза и увидел бесстрастное лицо Сюй Цина. На его лице отразились недоверие и ужас. Он попытался дёрнуться, но Сюй Цин молниеносно зажал ему рот левой рукой, не давая издать ни звука.

Цань Ню начал отчаянно сопротивляться, его глаза расширились, всё тело судорожно дёргалось.

Но рука Сюй Цина держала, как железные тиски, а правая нога прижимала живот Цань Ню к земле. Изогнувшись дугой, он использовал свой вес, чтобы полностью обездвигить жертву.

По мере того как кровь продолжала хлестать, Цань Ню напоминал выброшенную на берег рыбу. В его глазах постепенно появлялось отчаяние, сменившееся мольбой.

Но он по-прежнему видел лишь невозмутимое лицо Сюй Цина. А звуки борьбы полностью заглушались воплями и стонами, доносившимися снаружи.

Прошло чуть меньше пятнадцати вдохов, и сопротивление Цань Ню начало ослабевать. Наконец его тело содрогнулось в последний раз и обмякло. Он больше не двигался, только в широко раскрытых глазах застыл предсмертный ужас. Он испустил последний вздох.

Сюй Цин не сразу убрал руку, а подождал ещё некоторое время, чтобы убедиться, что Цань Ню действительно мёртв. Только тогда он отпустил его, вытер кровь с рук и открыл свою сумку.

Он осторожно достал завёрнутую в ткань змеиную голову и аккуратно проколол кожу Цань Ню ядовитым зубом.

В следующее мгновение, когда яд начал распространяться, тело Цань Ню покрылось зелёными пузырями и стало медленно растворяться.

Через пару минут труп полностью превратился в лужу крови, впитавшуюся в землю.

Сюй Цин молча наблюдал за этим процессом, затем начал убирать следы и избавляться от вещей Цань Ню, создавая видимость его исчезновения. Только после этого он выбрался из палатки.

Холодный ветер, подувший ему в лицо, унёс часть запаха крови. Сюй Цин поднял голову к ночному небу, глубоко вдохнул морозный воздух и медленно вернулся к своему спальному мешку.

Забравшись внутрь, он наконец почувствовал спокойствие. Чувство безопасности от устранения угрозы позволило ему закрыть глаза и быстро уснуть, но железный прут он продолжал крепко сжимать в руке.

Ночь прошла без происшествий.

На следующее утро, когда первые лучи солнца осветили землю, Сюй Цин открыл глаза. Он тихо выбрался из спального мешка и как бы между прочим бросил взгляд на палатку Цань Ню.

В следующий момент его глаза слегка сузились.

Палатка Цань Ню исчезла.

Сюй Цин внутренне напрягся, став ещё более настороженным.

Вскоре и другие мародёры начали выходить из своих палаток. Они сразу заметили пропажу и с недоумением стали искать вокруг, но безрезультатно.

Но так как Цань Ню исчез бесследно, и даже палатки его не было, некоторые решили, что он, должно быть, ушёл посреди ночи по делам в город или по какой-то другой причине, не прощаясь.

В конце концов, в Запретной зоне было много причин, по которым человек мог исчезнуть.

Изначально группа была собрана на скорую руку, а Цань Ню был одиночкой, поэтому вскоре остальные мародёры перестали обращать на это внимание. Некоторые посмотрели на Сюй Цина, но, похоже, решили, что это не может быть связано с ним, и, не имея никаких обязательств по расследованию, отказались от своих подозрений.

Только старик, которого называли командир Лэй, забирая спальный мешок Сюй Цина, многозначительно посмотрел на него и спокойно сказал: — Ты всё ещё идёшь со мной?

Эти слова имели глубокий смысл. Сюй Цин молчал.

Старик больше ничего не сказал и, окликнув остальных, двинулся в путь под первыми лучами солнца.

Сюй Цин мгновение постоял на месте, инстинктивно оглядываясь на руины города. Наконец он повернулся, посмотрел на удаляющуюся фигуру старика, задумался, а затем зашагал следом. Постепенно его шаги становились всё твёрже.

Шесть мародёров и один ребёнок — их тени в лучах утреннего солнца вытянулись вдаль...

Издали подул ветер, разнося их вздохи и чувства.

— Вот она, кара Бога... Весь город погиб.

— В этом мире стало ещё на одну Запретную зону больше...

— И это ещё не всё. Слышали, лет семь-восемь назад на севере был большой город, Бог взглянул на него, и тот вместе с окрестностями странным образом исчез, словно его и не было вовсе.

Голоса становились всё тише. В лучах утреннего солнца, среди удаляющихся фигур, мальчик шёл молча, слушая и размышляя.

Всё дальше и дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/76007/4678509>